

6

ЛОУРЕНС А. БОУЛЭНД

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ

6.1. Введение

Не так уж много экономистов сегодня выступают под знаменем «экономического позитивизма» или «позитивной экономической теории». Значит ли это, что экономический позитивизм мертв? Конечно, нет. Позитивная экономическая теория получила сегодня столь широкое распространение, что все другие конкурирующие позиции (кроме чистой математической экономики) фактически оказались в тени. Поэтому нетрудно понять причину отсутствия методологических лозунгов по поводу позитивизма. Нет предмета для споров, и, следовательно, нет нужды размахивать флагом.

В современных учебниках господство экономического позитивизма более чем очевидно. Почти в каждом учебнике вводного уровня объясняется различие между «позитивной» и «нормативной» экономической теорией. Авторы этих учебников пытаются уверить нас, что экономисты не в состоянии обойтись без позитивной экономической теории и способны удовлетворить требованиям экономического позитивизма. Почему же экономистам так необходима позитивная экономическая теория? Удовлетворяют ли экономисты требованиям экономического позитивизма? Именно этим двум вопросам и посвящена данная глава.

6.2. Что противопоставляется позитивной экономической теории?

Несмотря на то что авторы всех учебников наглядно демонстрируют различие между «позитивными» и «нормативными» вопросами, опираясь при этом на дихотомию «то, что есть, — то, что должно быть», вовсе не так очевидно, что история данного разделения дает для этого повод. В поддержку указанной дихотомии особенно часто цитируют Джона Невилла Кейнса, хотя, как пояснил Марк Блауг

(Blaug, 1980 : 141), в действительности Невилл Кейнс делил экономические вопросы на три области: а) «установление существующих эмпирических закономерностей», б) «определение образцов» или «критериев того, что должно быть», и в) развитие практического «искусства» формулировки «максим или предписаний, следуя которым можно достичь поставленных целей *наилучшим* образом» (Keunes, 1917 : 32–35, курсив мой. — Л. Б.). К сожалению, широко распространившееся доверие к дихотомии «есть — должно быть» свело на нет все усилия Невилла Кейнса улучшить наше понимание позитивной экономической теории.

Развивая «позитивную методологию» в своем знаменитом очерке 1953 г., Милтон Фридмен предпринял попытку опровергнуть дихотомию «есть — должно быть». Он доказывал, что ответ на вопрос: «Что должно быть?» зависит от первоначального выяснения того, «что есть» (Friedman, 1953). Тем не менее большинство критиков фридмановской методологии полагают, что в действительности целью работы Фридмена было выступление против нормативной экономической теории и, стало быть, в пользу позитивной теории (Koormans, 1957; Rotwein, 1959; Samuelson, 1963; Simon, 1963). Видимо, они исходят из презумпции, что всегда следует выбирать между вопросами «есть» и «должно быть», как будто они заведомо являются взаимоисключающими.

Справедливости ради надо отметить, что существуют веские основания считать вопросы: «Что есть?» и «Что должно быть?» взаимоисключающими. Уже много лет назад Дэвид Юм доказывал, что утверждение по поводу того, «что должно быть», не может быть выведено из утверждения о том, «что есть», и наоборот (Blaug, 1980 : 130). Таким образом, простое упоминание вопросов: «Что есть?» и «Что должно быть?» при определении позитивной экономической теории, вероятно, само по себе предполагает резкую дихотомию, подобную дихотомии позитивной и нормативной теорий, упоминаемых в учебниках.

В дополнение к различию между вопросами: «Что есть?» и «Что должно быть?» существуют другие дихотомии, на которых основывается различие между нормативной и позитивной экономическими теориями. Из философии известно различие между аналитическими и синтетическими суждениями: первые из них не нуждаются в эмпирической проверке в отличие от последних. Кроме того, существует различие между наукой и искусством, которым руководствовались первые методологи экономической науки (например, Нассау Сениор). Утверждалось, что в то время как наука имеет дело с истинами, касающимися материального мира, искусство занимается нормативными правилами (Blaug, 1980 : 59). Позднее были выделены другие дихотомии: объективное — субъективное, описательное — предписывающее, рациональное — иррациональное, которые часто обнаруживают прямую корреляцию с разделением на нормативную и позитивную тео-

рии. Конечно, нельзя не упомянуть о более тривиальном разделении на теоретическую и прикладную экономику, существующем сегодня на большинстве экономических факультетов.

К этому списку хотелось бы добавить еще одно разделение, а именно разделение на романтический и классический подходы, часто встречающееся в дискуссиях о британской литературе XIX столетия. Если говорить более определенно, я полагаю, что романтический и классический подходы различаются степенью реализма своих предпосылок. В то время как романтик, вероятно, допускает, что мир таков, каким он хотел бы его видеть, классик беспристрастно принимает мир таким, каков он есть. Например, романтически настроенный эгалитарист, возможно, хотел бы, чтобы богатства распределялись равномерно. В то же время реалистически настроенный классик заявит, что никто не вправе предполагать равенства в распределении до тех пор, пока для этого не появятся надежные эмпирические основания.

Как же, учитывая все эти дихотомии, можно истолковать природу позитивной экономической теории и почему ее следует разрабатывать? Я полагаю, что причиной существования столь многих различий, выявленных в дебатах о позитивной экономической теории, служит то, что каждое из этих различий выражает одну из ипостасей, в которой позитивная экономическая теория *не* должна проявляться. Это значит, что большинство людей воспринимают позитивную экономическую теорию, основываясь на заявлениях о том, чем она не является, а вовсе не на соображениях о том, что она представляет собой на самом деле. Короче говоря, у нас есть только негативное понимание экономического позитивизма!

6.3. Позитивизм как риторика

В определенном смысле различие между позитивной и нормативной экономическими теориями совершенно размывается. Экономические советники из лагеря сторонников позитивной теории фактически всегда уверяли, что их рекомендации — *наилучший* путь достижения поставленных целей. Это очевидно даже в исходной работе Джона Невилла Кейнса. Трудно вообразить, каким образом можно вообще избежать каких-либо нормативных суждений. Так что же на самом деле хотят сказать, утверждая, что некое экономическое исследование или политическая рекомендация соответствует требованиям позитивизма?

Идея «позитивной экономической теории» по большей части является риторической (Boland, 1989 : epilogue). Риторические задачи также очевидны в использовании некоторых других дихотомий. Можно вспомнить книги, носящие такие названия, как «Система син-

тетической философии» (Spencer, 1896), «Позитивная философия» (Comte, 1974), «Научное управление» (Drury, 1968), «Объективная психология музыки» (Lundin, 1967), «Рациональная экономическая теория» (Jackson, 1988), «Описательная экономическая теория» (Harburg, 1981) и т. д. Когда автор, превознося достоинства некой теории, провозглашает ее позитивный характер, он обычно имеет в виду ее приемлемость с научной точки зрения. Критерии же приемлемости и неприемлемости по большей части продиктованы господствующими взглядами на то, какой метод является научным. Однако обычно не совсем ясно, почему термин «позитивный» всегда подразумевает нечто приемлемое или желательное.

Ко времени Юма (конец XVIII столетия) большинство мыслителей верили в силу рационального или логического мышления, в особенности его воплощения в науке. Согласно унаследованному от Фрэнсиса Бэкона (XVII в.) взгляду, считалось, что всякая наука может быть сведена к *позитивным фактам*. Из них, в свою очередь, можно вывести все систематическое знание, прибегнув к *индуктивной* логике. Это, видимо, объясняет, почему столь долго слово «позитивное» обозначало нечто хорошее. Теория, демонстрирующая позитивные факты или основанная на них (т. е. на наблюдениях или гипотезах, вносящих *позитивный вклад* в индуктивные доказательства нашего систематического знания), заслуживает названия «позитивной». При общей для XIX столетия вере в действенность индуктивной науки «позитивное» отождествлялось с «научным», «рациональным» и даже с «объективным». Объективность следовала из бэконовской интерпретации индуктивных суждений как противостояния против эгоистических и предвзятых притязаний разума (Agassi, 1963). Чтобы считаться научными, индуктивные доказательства должны быть основаны только на объективных наблюдениях. Вносит ли данная теория позитивный вклад в научное знание — это вопрос исключительно исследовательских навыков ученого. Истинный исследователь объективен, непредвзят и беспристрастен, так что любые установленные факты подлежат безусловному признанию. Оставшаяся часть науки представляет собой просто результат применения индуктивной логики к реальным фактам. Таким образом, если кто-то ошибается в своих претензиях на обладание научным знанием, это может быть только следствием предубеждения, пристрастности или привнесения субъективных ценностей.

В экономической науке ассоциация между «позитивным» и «описательным» прямо вытекает из юмовской точки зрения на дихотомию «есть — должно быть». Мы описываем то, «что есть», и предписываем то, «что должно быть». Связь между «позитивной» и «прикладной» экономическими теориями, а также между «позитивными» и «синтетическими» суждениями не так очевидна. Хотя нетрудно провозгласить, что некая теория «позитивна», однако принято скорее

считать, что чистая теория не носит эмпирического характера (Hutchison, 1938) и, следовательно, именно прикладной теории полагается быть «позитивной». В таком случае, что имел в виду Бём-Баверк, когда назвал свою книгу «Позитивной теорией капитала» (Böhm-Bawerk, 1889)? Хотя связь между «позитивными» и «синтетическими» суждениями достаточно очевидна, этого нельзя сказать об их антонимах. Едва ли возможно непосредственно связать «нормативные» и «аналитические» суждения, кроме как с той точки зрения, что истинность нормативных суждений, вообще говоря, условна, поскольку зависит от принятых ценностей. Но если аналитическая истина заведомо является тавтологией, то чисто технически связь между аналитическими и нормативными суждениями не слишком прочна (Quine, 1961 : ch. 2).

Послевоенное влияние логического позитивизма вкупе с ретроспективным влиянием Макса Вебера привели к тому, что позитивистская риторика стала еще более запутанной. Логические позитивисты принадлежали к тому крылу аналитической философии, в рамках которого было принято отличать верифицируемое научное знание от неверифицируемой «метафизики». Социолог Макс Вебер, работавший на рубеже столетий, признан ведущим идеологом направления, утверждавшего «свободное от ценностей» научное знание. Еще большей путаницы добавила критика Поппером логического позитивизма. Поппер считал, что теория только в том случае вносит позитивный вклад в науку, если она фальсифицируема (как полагает большинство комментаторов, это означает, что теория не должна являться тавтологией). Все эти интеллектуальные осложнения затрудняют нам даже определение того, чем не является позитивная экономическая теория.

6.4. Что такое «позитивное» с общепринятой точки зрения?

Экономический позитивизм, практикуемый сегодня, можно разделить на четыре направления. Первой и наиболее оптимистической версией является то, что я назвал *гарвардским позитивизмом*. Это течение представлено недавними попытками разработать «экспериментальную» экономическую теорию. Его истоками являются ранние исследования Эдуарда Чемберлина. Другой крайностью является слабая минималистская версия, которую я назвал *позитивизмом МТИ (Массачусетского технологического института)*. Слабой ее можно назвать благодаря методологическому подходу, согласно которому теория, чтобы представлять интерес, должна быть только *потенциально* опровержимой. Не существует никаких дополнительных ограничений, требующих эмпирического подтверждения или проверки. Между этими двумя крайними точками зрения находятся две более

умеренные версии. Одна из них, которую я назвал *позитивизмом ЛШЭ (Лондонской школы экономики)*, не требует контролируемых экспериментов, однако рассматривает экономическую теорию как научное направление, в котором подчеркивается необходимость эмпирических количественных данных. Другой промежуточной версией является *чикагский позитивизм*, включающий как упрощенный инструментализм Фридмена, так и более изощренный конфирмационизм Беккера и Стиглера.

Гарвардский позитивизм

Позитивисты, защищающие «экспериментальную экономическую теорию», пока составляют незначительную часть основного течения экономической мысли. Отправной точкой этого движения могут считаться эксперименты, которые часто проводил со своими студентами в Гарвардском университете Чемберлин. Сегодня главой направления является Вернон Смит (Smith, 1982).

Главная задача экспериментальной экономической теории заключается в преодолении того очевидного факта, что большинство традиционных моделей являются абстракциями, использующими упрощенные предпосылки, реализм которых весьма сомнителен. Типичное экономическое объяснение выглядит так: «Если мир имеет форму X , а люди ведут себя согласно предположению Y , то мы обнаружим явление Z ». При этом перед любым экономистом, претендующим на позитивное объяснение экономического явления Z , встают очевидные вопросы: имеет ли мир форму X ? Ведут ли себя люди согласно предположению Y ? Обнаруживается ли явление Z ?

Поскольку обычно трудно определить, действительно ли люди ведут себя согласно предположению Y , почти все эмпирические исследования имеют дело с формой X и явлением Z . Обычный подход состоит в построении модели экономики, основанной на предположении Y . Затем предпринимается попытка определить, может ли указанная модель быть подтверждена данными, ставшими *доступными после* наступления события. К сожалению, доступные данные редко могут дать однозначный ответ. Вместо этого приходится делать множество дополнительных предположений, и, следовательно, любые выводы всегда условны.

Гарвардский позитивизм предлагает иной подход. Вместо того чтобы принять как должное ограниченность доступных данных (обычно агрегированных и вызывающих множество методологических вопросов), экспериментальная экономическая теория предлагает создание жизненных ситуаций, в которых предположения типичной неоклассической модели в отношении мира в форме X верны. Если говорить более конкретно, экспериментальная экономическая теория пытается сконструировать мир, действительно име-

ющий форму X . Затем определяется, является ли поведение, заданное предположением Y , логически совместимым с экспериментально наблюдаемым явлением Z . Только искусственность экспериментатора определяет, насколько успешен данный эксперимент с точки зрения экономического позитивизма.

Позитивизм МТИ

Последователи методологии Пола Самуэльсона следуют намного менее фундаменталистскому взгляду на экономический позитивизм. Следуя Самуэльсону и пытаясь утвердить оптимистичный взгляд на перспективы позитивизма, они утверждают, что любая предлагаемая теория должна удовлетворять как минимум одному условию. Для того чтобы претендовать на позитивный вклад в экономическое понимание, позитивная теория должна быть готова подвергнуться эмпирическому опровержению. Короче говоря, все истинно позитивные теории — эмпирически опровержимы *в принципе*. Как признал Хатчисон (Hutchison, 1938) в конце 1930-х гг., все, что можно утверждать, следуя данному критерию, — это нетавтологичность выдвигаемой позитивной теории. Ясно, что эта минималистская версия позитивизма гораздо больше служит интересам разработчиков математических моделей, которые стремятся избежать такого недостойного занятия, как работа с эмпирическими данными реального мира, чем интересам исследователей, на деле занимающихся развитием истинной позитивной теории. Для экономистов-математиков элегантность модели всегда гораздо важнее, чем эмпирическая реалистичность или ее прикладное значение для экономической политики.

Чикагский позитивизм

Приверженцы чикагского позитивизма ставят во главу угла полезность данной теории. Однако понятие полезного имеет два аспекта. С одной стороны, предлагаемые позитивные теории могут быть использованы как инструмент в руках лиц, ответственных за проведение экономической политики. С другой стороны, необходимо учитывать значение этих теорий для развития неоклассической теории вообще и для укрепления веры во всемогущество рыночной системы в частности. Оба этих аспекта играют важную роль в концепции чикагского позитивизма.

В очерке 1953 г. Милтон Фридмен весьма убедительно доказывал, что каждый, кто заинтересован в создании полезной с точки зрения политики теории, должен сторониться типичных философских предубеждений, свойственных некоторым представителям аналитической философии (так называемым логическим позитивистам).

Вместо этого следует признать, что вопросы верифицируемости, фальсифицируемости и даже априорного реализма поведенческих предпосылок экономических моделей имеют гораздо меньшее значение, чем полезность их результатов (Friedman, 1953).

Нетрудно заметить, что этот довод соответствует инструменталистской методологии (Boland, 1979). Возникает интересный вопрос: почему Фридмен и другие считают, что эта аргументация является формой позитивизма?

Дело в том, что очерк Фридмена не был направлен против позитивизма вообще, а только против такой его изощренной формы, как логический позитивизм. Позитивные факты все еще имеют значение для Фридмена. По Фридмену, следует сопоставлять с фактами лишь результаты и предсказания и, следовательно, исключить априорный или логический анализ моделей, предпосылок и теорий как *главный критерий полезности* позитивных теорий. Позитивные факты, очевидно, играют существенную роль в методологии Фридмена. Однако для него единственными позитивными фактами являются успешные предсказания, удостоверяющие полезность предлагаемой теории. В методологическом очерке Фридмена нет ничего, что препятствовало бы использованию данной версии инструментализма посткейнсианцами или даже марксистами.

Однако если говорить об идеологических вопросах, то здесь двое других представителей чикагской школы внесли куда больший вклад. В 1977 г. Джордж Стиглер и Гэри Беккер опубликовали манифест неоклассической экономической теории. Их аргументация, выраженная в простой форме, состояла в следующем. Экономисты чикагской школы предлагают модели экономики (т. е. мира в форме X), не связанные с анализом психологического (субъективного) устройства индивидов, принимающих решения. Вместо этого они исследуют различные ситуации с точки зрения таких объективных (позитивных) показателей, как издержки. Следовательно, все наблюдаемые факты поведения объясняются наблюдаемыми и объективными условиями, выраженными через издержки (Stigler, Becker, 1977).

Каждая позитивная экономическая модель, которую можно назвать удачной (Беккер и Стиглер, кажется, не упоминали о каких-либо неудачах), должна рассматриваться как еще одно убедительное свидетельство в пользу того, что любой социальный или поведенческий феномен можно объяснить, используя соответствующим образом разработанную неоклассическую модель (т. е. модель, в которой допущение Y предполагает оптимизационное поведение в системе свободных рынков). Для этой ветви чикагской школы истинной задачей неоклассического моделирования является подтверждение эффективности системы социальной координации, основанной на рыночных отношениях (Boland, 1982).

Позитивизм ЛШЭ

Стиглер и Беккер, возможно, правы, преподнося неоклассическую экономическую теорию в качестве единственно верного объяснения общественного и индивидуального поведения. Но если это так, то данное утверждение можно проверить более жесткими способами. В конце 1950-х гг. группа экономистов из Лондонской школы экономики (ЛШЭ) предложила более критический подход к построению экономических моделей. Нетрудно найти позитивные факты для подтверждения любой желаемой модели, однако, чтобы убедиться в «научности» теории, надо подойти к фактам в менее предубежденной манере. Подобный подход не исключает *априорных* суждений. Он просто предполагает, что факты будут говорить сами за себя.

Подход ЛШЭ к позитивизму был продуктом деятельности молодых экономистов, возглавлявшихся Ричардом Липси, который организовал семинар сотрудников ЛШЭ по проблемам методологии, измерения и проверки. Этот семинар был до некоторой степени вдохновлен присутствием в ЛШЭ Карла Поппера, считавшего критический подход и эмпирическую проверку предлагаемых теорий истинной основой науки (de Marchi, 1988). Основное направление семинара было отражено в хорошо известном учебнике Липси 1960-х гг. «Введение в позитивную экономику» (Lipsey, 1963). Главным мотивом Липси было отстаивание важности реальных эмпирических данных. Его учебник стал основной платформой всего современного экономического позитивизма.

Сочетание проверки и измерения стало основным признаком позитивизма ЛШЭ. Неудивительно, что эконометрика играет здесь выдающуюся роль. Однако предполагается, что в отличие от инструментализма, распространенного среди американских разработчиков эконометрических моделей (Boland, 1986), эконометрика ЛШЭ должна способствовать оценке любых экономических предположений, возникающих у исследователей. Различие между позитивным и нормативным играет здесь главенствующую роль, поскольку предполагается, что любые нормативные суждения не подлежат проверке и, следовательно, «ненаучны».

6.5. В современном экономическом позитивизме царит изрядная путаница

Как показали историки науки (такие, как Томас Кун и Джозеф Агасси), большинство научных дисциплин могут быть определены по ведущим учебникам. Основой современного экономического позитивизма продолжает оставаться учебник Липси «Введение в позитивную экономическую теорию». Эволюция этой книги весьма точно отразила

развитие позитивистских взглядов за последние двадцать пять лет. Однако если вчитаться во вводную часть *первого* издания знаменитого учебника Липси (Lipsey, 1963), называющуюся «Предмет и метод», будет нелегко понять, каким образом эта книга сделалась основой современного позитивизма. Липси гордо заявил, что его книга посвящена *позитивной экономической науке*. В американских изданиях книги упор на «научности» несколько завуалирован (видимо, потому, что в Северной Америке подобное выпячивание научности выглядит претенциозным), однако сохранен упор на «позитивности». Тем не менее внимательное изучение первого издания заставляет сделать вывод о том, что эмпирические факты могут иметь решающее значение *только в негативном смысле*. Собственно говоря, Липси старательно пересказывает философию науки Поппера, согласно которой истинная научная теория может быть опровергнута эмпирическими фактами, но никогда не может быть ими подтверждена. Таким образом, если верить высказыванию Липси образца 1963 г., его книга в действительности посвящена *негативной* экономической науке!

Это очевидное несоответствие было решительным образом исправлено во втором издании, где Липси заявляет, что он «отказывается от попперовского подхода к опровержению теорий». Отныне он собирается следовать «статистическому подходу, согласно которому ни подтверждение, ни опровержение не могут быть окончательными, и все, на что мы можем надеяться, — это выявлять на основе конечного набора несовершенных знаний, каково соотношение вероятностей между соперничающими гипотезами» (Lipsey, 1966 : хх). Хотя, возможно, данная трактовка больше соответствует общим научным принципам, все же неясно, что позитивного (или негативного) осталось в версии позитивизма ЛШЭ.

Из шестого издания мы узнаем, что только позитивные утверждения подлежат проверке. Нормативные утверждения невозможно проверить, поскольку они зависят от ценностных суждений. Более того, «утверждения, которые в случае их ошибочности в принципе можно опровергнуть фактами, являются видом позитивных утверждений» (Lipsey, 1983 : 6). Следовательно, приверженцы позитивной экономической теории «имеют дело с разработкой положений, относящихся к классу позитивных и проверяемых» (Lipsey, 1983 : 7). Однако более внимательный читатель узнает, обратившись к с. 5, что утверждение называется «проверяемым», если его ошибочность может быть доказана посредством сопоставления с эмпирическими фактами. А затем, вернувшись к с. 13, мы выясняем, что «никакую теорию невозможно окончательно опровергнуть!» Если только Липси не имеет в виду нечто отличное от сказанного на с. 5, то может показаться, что множество позитивных экономических утверждений является пустым и, следовательно, позитивная экономика невозможна. Если же вы еще сомневаетесь в том, что поборники позитивизма ЛШЭ за-

путались в методологических вопросах, то канадское издание книги Липси 1988 г. лишит вас последних иллюзий. Вот что можно там прочесть: «Не существует абсолютной уверенности в достоверности какого бы то ни было знания» (Lipsey et al., 1988 : 24). Но можно ли с абсолютной уверенностью заявлять, что никто не может ничего знать с абсолютной уверенностью?

Подобное смелое утверждение содержит внутреннее противоречие, однако это не мешает ему служить основой современного экономического позитивизма. Хорошо известно, что суждение, содержащее внутреннее противоречие (например, 1 равно 2 или белое — это черное), позволяет доказывать все что угодно. Понятно, что немногого стоят доказательства, приводящие к противоречивым результатам. Из этого мы можем заключить, что методология современного позитивизма бессильна достичь чего-то определенного (если считать, что эта методология адекватно описана в различных версиях знаменитой книги Липси). Я думаю, что Липси не следовало так легко отречься от Поппера для того, чтобы избежать некоторых проблем, кажущихся «неразрешимыми тем, кто верит в опровержение, основанное на единственном наблюдении» (Lipsey, 1966 : xx). Понятно, что взгляды Липси будут одобрены философами науки, отвергающими попперовский вызов логическому позитивизму. Однако я полагаю, что Липси следовало бы подвергнуть более тщательному рассмотрению пресловутые «неразрешимые» проблемы.

6.6. Позитивная наука или позитивная инженерия?

Несмотря на то что философия экономического позитивизма недостаточно хорошо продумана его главными сторонниками, она удовлетворяет требованиям, предъявляемым большинством приверженцев основного течения экономической мысли. С одной стороны, эта философия, очевидно, поддерживает общепринятые взгляды на объясняющую науку. С другой стороны, она, по всей видимости, поддерживает осторожное отношение к различным формам социальной инженерии. Обе указанные особенности находят опору в распространенном мнении, что позитивизм предполагает отсутствие ценностных суждений.

Объясняющая наука

Современные экономисты (включая экономистов из Массачусетского технологического института (МТИ) и Лондонской школы экономики (ЛШЭ)), которые считают, что могут объяснить экономические явления, будут приятно удивлены, узнав, что приверженность позитивизму требует всего лишь гарантии, что предпосылки экономических

моделей фальсифицируемы. Фальсифицируемость предпосылок гарантирует всего лишь, что выводы и объяснения, предлагаемые моделью, не окажутся тем, что экономисты называют тавтологиями. Необходимо пояснить, что смысл, вкладываемый экономистами в термин «тавтология», не совсем совпадает с тем, что понимают под этим термином философы и логики. Экономисты считают, что если невозможно представить, каким образом данное утверждение может оказаться ложным, то оно является тавтологией. Это определение включает в себя как то, что называют тавтологией философы (утверждение, верное уже в силу своей логической формы), так и квазитавтологические утверждения, которые верны по определению или же зависимы от утверждений, близких к дефинициям (таких, как ценностные суждения). Именно последний вид утверждений экономисты обычно называют тавтологиями.

Почему же экономисты так стремятся избегать тавтологий? Есть только одна методологическая проблема, решаемая путем избежания тавтологий. С этой проблемой сталкиваются экономисты, претендующие на то, что эмпирическая проверка выдвигаемых ими моделей и теорий вносит позитивный вклад в экономический анализ, поскольку эмпирические факты верифицируют или подтверждают их построения. Проблема заключается в том, что некоторые утверждения, представленные в форме тавтологий, также могут быть подтверждены эмпирически. Наиболее очевидный пример — «количественная теория денег». Эта «теория» выражается уравнением $MV = PT$. При его более тщательном изучении оказывается, что обе части этого уравнения могут быть получены простым обращением порядка суммирования по i и по j при двойном суммировании $\sum \sum p_{ij}q_{ij}$ (Agassi, 1971). Подтверждение высказывания, которое в принципе не может быть ложным, вряд ли способно внести позитивный вклад в экономическую науку.

Социальная инженерия

Современные экономисты, считающие себя авторами рекомендаций в области экономической политики, будут рады узнать, что приверженность позитивизму гарантирует внимательное отношение к их советам. Лица, ответственные за проведение экономической политики, редко интересуются, не занимаются ли их консультанты созданием тавтологических моделей. Не больше занимает их и вопрос, является ли та или иная теория фальсифицируемой. Действительно важна для них лишь уверенность в том, что полученный совет не просто отражает пристрастия экономиста-консультанта.

Какие же методологические проблемы должен решить для себя потенциальный экономический консультант, чтобы оставаться в рамках позитивизма? При всех экивоках, которые можно найти в изложениях современного экономического позитивизма (например, в учеб-

нике Липси), у лиц, ответственных за проведение экономической политики, нет оснований ожидать, что совет их экономического консультанта твердо основан на эмпирических фактах. Все в конечном счете зависит от суждения самого исследователя о том, достаточно ли имеющихся фактов, чтобы подтвердить или опровергнуть теорию, на основании которой делались рекомендации. В большинстве случаев именно личное поведение исследователя вызывает доверие к его исследованиям. Заметим, что такое внимание к личному поведению исследователя с очевидностью делает позитивную экономическую инженерию простой версией бэконовского индуктивизма.

Если бы экономистам, занимающимся консультациями в сфере экономической политики, удалось не запачкать свои белые лабораторные халаты, то они, вероятно, стали бы щеголять в них перед телекамерами. Однако поведение практикующих экономистов позитивистского направления становится более понятным, если оттолкнуться от противного. Никто не поверит экономисту, претендующему на обладание истиной и отказывающемуся даже заглянуть в статистическую сводку. Никто не поверит экономисту, который заинтересован исключительно в общественном признании собственных ценностных суждений. Никто не поверит исследованию, проведенному субъектом, ведущим себя подобно юному Вертеру из романа Гёте. Другими словами, ревностным и романтичным фанатикам идеи нет смысла подавать заявку на место экономического консультанта. Кажется, все убеждены, что приверженность экономическому позитивизму исключает подобное предосудительное поведение.

6.7. Позитивные факты о позитивной экономической теории

Теперь, когда мы рассмотрели природу экономического позитивизма, как она излагается в позитивистских учебниках, перейдем к следующему вопросу. Речь пойдет о том, какое применение находит позитивизм в реальном позитивном экономическом анализе. Заметной особенностью всех образчиков «позитивного» экономического анализа является их единый формат. После вводной части типичной работы в русле позитивной экономической теории следует раздел, названный «Модель» или как-нибудь в этом роде. Затем следует раздел, озаглавленный, например, «Эмпирические результаты». И все это подытоживают «Выводы». Напрашивается вопрос: почему фактически все позитивистские статьи так явно следуют единому формату? Не является ли это единообразием *единственным* достижением экономического позитивизма?

Почему этот характерный шаблон имеет такое универсальное использование? Поверхностное объяснение универсальности этого фор-

мата сводит его к риторическому средству (McCloskey, 1989). Тривиальное объяснение заключается в том, что редакции всех журналов требуют соблюдения этого шаблона. Однако очевидно, что они всего лишь следуют запросам рынка. Проблема состоит не только в том, почему отдельный исследователь решает оформить свою работу в соответствии с принятым шаблоном. Проблема в том, почему этот шаблон так широко распространен.

Я не вижу, почему методолог не может применить некоторые эвристические принципы, воплощенные в практике современного экономического позитивизма, а именно принципы экономического моделирования, к объяснению единообразия при построении экономических моделей. Таким образом, для объяснения или описания практики экономического позитивизма я попытаюсь построить «модель» формата типичной статьи позитивистского неоклассического направления. Судя по тому, что называется «моделью» в позитивной экономической теории, любое формализованное утверждение можно рассматривать как модель. Тем не менее имеется несколько базовых требований, предъявляемых к предлагаемым моделям.

Для построения моей модели позитивного или эмпирического анализа, как и для построения любой другой модели, мне необходимо заранее задать определенные предпосылки. Я начну с принятия очевидных допущений, которые образуют ядро научно-исследовательской программы неоклассической теории. Мое первое и самое фундаментальное допущение состоит в том, что каждая неоклассическая модель обязательно содержит поведенческие допущения, касающиеся максимизации и рыночного равновесия. Более того, выводы модели должны в решающей степени зависеть от этих допущений.

Оставшиеся предпосылки менее фундаментальны для неоклассической теории. Однако они необходимы с точки зрения риторики современного экономического позитивизма. Второе мое допущение должно содержать главный элемент современного позитивистского подхода, а именно, в каждой эмпирической модели должно быть по крайней мере одно уравнение, которое можно проверить статистически, оценив его параметрические коэффициенты.

Согласно третьему допущению (необходимому для реализации второго), каждая эмпирическая работа должна ориентироваться на специфический критерий «правдоподобности». Речь идет о системе статистических тестов. Например, необходимо учесть такие статистические параметры, как средние величины и стандартные отклонения, значения R^2 , t -статистики. Таким образом, каждое уравнение является неким утверждением, которое может быть как истинным, так и ложным. Однако прилагая это уравнение к эмпирическим данным, мы знаем, что его соответствие этим данным обычно не является совершенным, даже если уравнение верно. Поэтому возникает вопрос: при каких условиях наше уравнение может быть признано «истин-

ным»? Использование системы тестов предполагает, что исследователь не собирается доказывать абсолютную истинность своей модели. Скорее его цель состоит в том, чтобы установить ее приемлемость или неприемлемость с точки зрения стандартной системы тестов, используемых в принятой версии экономического позитивизма.

Мое последнее допущение состоит в том, что публикация эмпирической работы возможна только при условии внесения некоего вклада в «научное» знание. Это значит, что исследователь должен установить какие-либо новые, прежде неизвестные, «факты», полученные либо при анализе новых данных, либо благодаря новому подходу к старым данным.

Чтобы проверить предложенную модель методологии неоклассической позитивной экономической науки, необходимо обратиться к доступным данным. Прежде всего следует определить, какие источники содержат публикации представителей основного течения «позитивной экономической теории». Очевидно, разумнее всего искать их на страницах ведущих экономических журналов. Итак, откроем для проверки модели какой-либо авторитетный журнал («American Economic Review» или «Economic Journal») и ознакомимся с содержанием нескольких номеров. Адекватная проверка предполагает, что нам следует ограничить наш интерес статьями, нацеленными на позитивный анализ. Это значит, что мы должны исключить из рассмотрения работы, либо содержащие авангардные теории, либо рассматривающие по большей части технические (математические) аспекты «экономической теории». Разумеется, следует пропустить такие разделы, как «История экономической мысли» и «Методология» (если они будут обнаружены).

Я применил свой тест к «American Economic Review» за 1980 г. (Boland, 1982 : ch. 7). Изучение статей, отобранных в соответствии с заявленными критериями, дает основание утверждать, что все работы соответствуют формату, определенному нашей моделью позитивного неоклассического анализа. Единственный эмпирический вопрос, подразумеваемый позитивной моделью, состоит в том, можно ли обнаружить какие-либо исключения из того, что, по моему мнению, должно присутствовать в экономических журналах «основного течения»? Как и следовало ожидать, я не нашел ни единого факта, противоречащего моей теории. Таким образом, моя модель позитивного анализа соответствует доступным данным.

6.8. Объяснение использования стандартного формата научных статей

Хотя подтверждение данной позитивной модели экономического позитивизма не составляет большого труда, вопрос о том, *почему* научные работы *следует* писать в соответствии с имеющимся стандартом,

не является предметом дискуссии (за исключением недавней дискуссии, ограниченной проблемой *риторики* экономического позитивизма) (McCloskey, 1989). Конечно, нет нужды обсуждать принятый формат, если все признают, что он не создает никаких проблем и прекрасно выполняет свою задачу. Моя же общая теория состоит в том, что принятый формат не обсуждается по той причине, что его задача просто признается не требующей обоснования. Признание определенных положений не требующими обоснования является главным источником методологических проблем и противоречий экономической теории, хотя эти проблемы не всегда осознаются. Именно так обстоит дело с широким распространением общего формата эмпирических научных статей, написанных в неоклассической традиции. Возможно, отсутствие дискуссии объясняется тем, что принятый формат является просто элементарным фильтром, позволяющим производить отбор. Предполагается, что только статьи стандартного формата способны внести позитивный вклад в позитивную теорию. Это предположение также нигде не обсуждалось. Так все-таки какова же цель использования стандартного формата?

Хотя в самом позитивизме нет ничего, что так прочно привязывало бы его к развитию неоклассической теории, оба этих течения идут рука об руку. Цель существования стандартного формата для статей, нацеленных на позитивный неоклассический экономический анализ, совпадает с целью выдвижения позитивизма на первые роли в экономической науке. Эта цель состоит в том, чтобы способствовать долгосрочной индуктивной верификации научного знания, хотя очевидно, что этот формат используется людьми, которые, по собственным убеждениям, практикуют куда более умеренный подход к научному знанию и методологии — подход, предполагающий неприятие индукции. В основе этого подхода лежит убежденность в существовании очевидной (*manifest*) истины. Если говорить более конкретно, речь идет об убеждении, что неоклассическая теория дает верную картину общества, а реальный мир, очевидно, таков, каким его считают теоретики-неоклассики. Следовательно, любая модель, основанная *только* на фактах действительной жизни, просто обязана рано или поздно обнаружить очевидную истину, которая, как предполагается, подтвердит достоверность неоклассической теории. Построение моделей исключительно на фактах действительной жизни и есть, без сомнения, провозглашенная цель позитивизма.

Чтобы понять соотношение между стандартным форматом и исследовательской программой верификации неоклассической теории, нам необходимо обсудить следующие вопросы: что определяет успех позитивного анализа? Что может считаться неудачей? А чтобы установить критерий успеха позитивистского исследования, нам следует рассмотреть более фундаментальный вопрос: какова цель неоклассического моделирования?

Если считать, что обычные позитивистские неоклассические статьи действительно вносят вклад в «научное знание», то скрытая цель такой позитивной экономической теории совпадает с целью *чикагского позитивизма* (т. е. с долгосрочной верификацией неоклассической теории). А именно: каждая статья, утверждающая возможность приложения неоклассической теории к проблемам реального мира, должна рассматриваться как еще один позитивный вклад в индуктивное доказательство истинности неоклассической теории. Основанием для моего вывода является то, что типичное приложение неоклассической теории к явлениям реального мира доказывает только то, что *возможно* подобрать по крайней мере одну неоклассическую модель, удовлетворяющую имеющимся данным. Критики всегда могут заявить, что пригодность модели можно показать в конкретном случае, но это не доказывает, что модель будет работать всегда (Boland, 1989). Я считаю, что программа позитивных неоклассических исследований заключается в том, что если мы сможем и в дальнейшем эмпирически подтверждать пригодность неоклассической теории, то в конечном счете мы докажем, что эта теория экономики является единственно истинной.

6.9. Позитивный успех или позитивная неудача?

Исследование формата типичного позитивистского экономического анализа обнаруживает тот факт, что экономический позитивизм *в качестве вида риторики* достиг больших успехов. Но так ли хорошо обстоят дела с выполнением остальных обещаний позитивизма? Этот вопрос весьма важен для тех, кто отвергает возможность индуктивного подтверждения любой теории, в том числе неоклассической.

Многие из приверженцев системы рыночных цен вообще и приватизации в частности используют позитивный экономический анализ для подтверждения своих взглядов. Однако редко признается, что такая приверженность несовместима с антиромантическим подходом позитивизма. Нетрудно представить себе реакцию экономистов, исповедующих позитивизм, на простое наблюдение, что хотя позитивисты и основывают свой анализ экономических явлений на предположении о существовании совершенного рынка, реальный мир вовсе не соответствует этой предпосылке.

Например, если бы мир действительно управлялся системой рыночных цен без влияния государства или частного сговора, то ресурсы общества в конечном итоге были бы оптимально размещены в соответствии с желаниями потребителей. Мы также слышим, что реальный мир находится в состоянии равновесия и, в частности, все цены являются равновесными. По этой причине всякое вмешательство правительства в эту модель обычно приводит к неоптимальной

аллокации ресурсов. Поэтому утверждается, что приватизация и опора на цены (как единственный источник информации, подходящий для общественной координации) являются желательными.

Справедливости ради нужно признать, что защита приватизации — это относительно недавний феномен и не все ее защитники причисляют себя к позитивистам. Более того, не все позитивисты защищают приватизацию, несмотря на то что сегодня возникает именно такое впечатление. В течение 1950-х и 1960-х гг. большинство позитивистов были склонны защищать правительственное вмешательство, основывающееся на кейнсианской макроэкономике. Этим позитивистам было достаточно «выглянуть в окно», чтобы обнаружить, что миру присущи высокий уровень циклической безработицы и различные виды нестабильности. Значительная доля академических усилий этого периода была затрачена на развитие эконометрического подхода к экономическому позитивизму. Целью этих разработок было поддержание правительственных усилий по регулированию и «точной настройке» экономики.

Кажется, что истинным позитивистам следует избегать какой бы то ни было апологетики. Им надлежит внятно и беспристрастно объяснять мир в соответствии с тем, каков он есть. Если говорить более определенно, им стоило бы объяснять, каким образом возникают экономические феномены в мире, где правительственное вмешательство и тайный сговор — обычные явления. Очевидный факт, что многие приверженцы экономического позитивизма почти всегда вовлечены в апологию самых примитивных форм экономической инженерии, таких как тотальная приватизация или, наоборот, тотальное государственное макроэкономическое регулирование, наводит на мысль, что в слишком многих случаях современный позитивизм следует относить по большей части (а возможно, и полностью) к области риторики.

Литература

- Agassi J.* Towards an Historiography of Science, History and Theory. Beiheft 2. The Hague : Mouton, 1963.
- Agassi J.* Tautology and testability in economies//Philosophy of Social Science. 1971. Vol. 1. P. 49–63.
- Blaug M.* The Methodology of Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1980.
- Boland L.* Testability in economic science//South African Journal of Economics. 1977. Vol. 45. P. 93–105.
- Boland L.* A critique of Friedman's critics//Journal of Economic Literature. 1979. Vol. 17. P. 503–522.
- Boland L.* The Foundations of Economic Method, London : Alien & Unwin, 1982.

- Boland L.* Methodology for a New Microeconomics. Boston, MA : Allen & Unwin, 1986.
- Boland L.* The Methodology of Economic Model Building: Methodology after Samuelson. London : Routledge, 1989.
- Böhm-Bawerk E.* Positive Theory of Capital, transl. W. Smart. New York : Stechert, 1889.
- Comte A.* Positive Philosophy. New York : AMS Press (originally published 1855), 1974.
- Drury H.* Scientific Management / 3rd edn. New York : AMS Press (originally published 1922), 1968.
- Friedman M.* The methodology of positive economics / In Essays in Positive Economics. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1953. P. 3–43.
- Harbury C.* Descriptive Economics / 6th edn. London : Pitman, 1981.
- Hutchison T.* The Significance and Basic Postulates of Economic Theory. London : Macmillan, 1938.
- Jackson R.* Rational Economics. New York : Philosophical Library, 1988.
- Keynes J. N.* The Scope and Method of Political Economy / 4th edn, London : Macmillan, 1917.
- Koopmans T.* Three Essays on the State of Economic Science. New York : McGraw-Hill, 1957.
- Lipsey R.* An Introduction to Positive Economics / 1st edn. London : Weidenfeld & Nicolson, 1963.
- Lipsey R.* An Introduction to Positive Economics / 2nd edn. London : Weidenfeld & Nicolson, 1966.
- Lipsey R.* An Introduction to Positive Economics / 6th edn. London : Weidenfeld & Nicolson, 1983.
- Lipsey R., Purvis D., Steiner P.* Economics / 6th edn. New York : Harper & Row, 1988.
- Lundin R.* Objective Psychology of Music / 2nd edn. New York : Wiley, 1967.
- Marchi N., de.* Topper and the LSE economists / In N. de Marchi (ed.). The Popperian Legacy in Economics. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. P. 139–166.
- McCloskey D.* Why I am no longer a positivist // Review of Social Economy. 1989. Vol. 47. P. 225–238.
- Quine W.* From a Logical Point of View / revised edn. New York : Harper & Row (originally published 1953), 1961.
- Rotwein E.* On «The methodology of positive economics» // Quarterly Journal of Economics. 1959. Vol. 73. P. 554–575.
- Samuelson P.* Problems of methodology: discussion // American Economic Review, Papers and Proceedings. 1963. Vol. 53. P. 231–236.
- Simon H.* Problems of methodology: discussion//American Economic Review, Papers and Proceedings. 1963. Vol. 53. P. 229–231.
- Smith V. L.* Microeconomic systems as an experimental science//American Economic Review. 1982. Vol. 72. P. 923–955.
- Spencer H.* System of Synthetic Philosophy. New York : Appleton, 1896.
- Stigler G., Becker G.* De gustibus non est disputandum // American Economic Review. 1977. Vol. 67. P. 76–90.